

А. С. КАРГИН
(Москва)

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОРЛОВЩИНЫ

Орловщина вполне справедливо может быть названа заповедником русской самобытности, хранилищем национально-культурных традиций. Красота Орловской земли стала источником вдохновения для писателей, музыкантов, общественных деятелей, оставивших заметный след в истории русской культуры: И. С. Тургенева, И. А. Бунина, Н. С. Лескова, Л. Н. Андреева, М. М. Пришвина, Т. Н. Грановского, В. С. Калинникова и многих других.

Орловская земля — родина знаменитого на всю Россию орловского списка (особого способа вышивки), ливенской гармоники (имя дано по месту ее наиболее распространенного бытования — г. Ливны Орловской области), многих других самобытных фольклорных явлений, в том числе в пении, танце, народных промыслах. Эта земля дала России двух выдающихся фольклористов-собираателей — П. И. Якушкина и П. В. Киреевского, собрание фольклорных материалов которых уникально, а вклад в общероссийский фонд огромен: их трудами пользовались в разные годы маститые русские композиторы и литераторы, поэты и художники, певцы, балетмейстеры, представители других жанров искусства, а также исследователи — историки, фольклористы, этнографы, искусствоведы.

В разные годы на территории Орловской области была проведена серьезная и разноплановая работа по сбору,

систематизации, изучению, описанию и регенерации традиционных форм художественной культуры, искусства, праздников и обрядов. Осуществлялась она как московскими специалистами, так и сотрудниками научных подразделений Орловского государственного университета и Орловского государственного института культуры и искусств (лаборатории, кафедры), областных и муниципальных музеев, библиотек, клубных учреждений, центров фольклора, декоративно-прикладного искусства, ориентирующихся на возрождение традиционных форм досуга населения, в первую очередь молодежи, школьников, детей. Однако публикации, увидевшие свет в последнее десятилетие XX — начале XXI в.¹, дают основание говорить о разрозненности усилий специалистов, неполноте имеющихся материалов, их в известном смысле внеконтекстности с современными реалиями фольклорного процесса, игнорирование художественно-массовых и образовательных фольклорных проектов, которые с большим размахом осуществляются в области.

Государственный республиканский центр русского фольклора выступил инициатором и координатором фундаментального исследовательско-издательского проекта, посвященного современному состоянию традиционной культуры области. Идея проекта была поддержана соответствующими структурами, правительством области, губернатором. Базовым учреждением, отвечающим за реализацию проекта, стал Орловский областной центр народного творчества.

¹ См.: Традиционная культура Орловщины. Т. 1. Библиографический указатель. М., 2010.

Автором этих строк была разработана концепция проекта, намечены пути и этапы его реализации, проведена научно-организаторская работа с исполнителями разделов; со стороны Центра соисполнителями и экспертами выступили к. ф. н. Н. Е. Котельникова и И. Е. Посоха.

В 2010 г. вышел первый том «Традиционной культуры Оловщины» с практически исчерпывающей на сегодняшний день библиографией изданий, посвященных традиционной культуре Орловской земли во всем историческом и содержательном многообразии ее видов и форм. Среди этих изданий безусловный приоритет имеют источники по фольклору, декоративно-прикладному народному искусству, бытующему как в аутентичном варианте, так и в многообразных формах современного творчества.

Опубликованная библиография, с одной стороны, представляет данное явление в его описательно-информационной полноте и разносторонности, с другой — дает возможность оценить масштаб работы, проделанной разными поколениями ученых, собирателей, краеведов, всех любителей старины, и на этом фоне осмыслить сделанное нашими современниками, прежде всего специалистами-орловчанами.

Второй и третий тома будут включать в первую очередь корпус текстов различных жанров фольклора: устно-поэтического, музыкального, хореографического, декоративно-прикладного народного искусства. Важное место отводится анализу исторических и научно-методических вопросов концертно-исполнительской и педагогической практики.

Принципиальным положением концепции проекта «Традиционная культура Оловщины» является то, что накопленный в области разносторонний и богатый массив фактологических, текстологических, архивных фольклорных материалов, хранящихся в лабораториях и на кафедрах вузов, в Центре народного творчества, в библиотеках,

музеях, личных собраниях и фондах, вполне позволяет решать масштабные задачи по созданию фундаментального фольклорного труда, опираясь именно на эти материалы². Это — во-первых.

Во-вторых, вся работа по отбору и обработке, классификации, составлению и структурированию корпуса текстов, проведена силами орловских специалистов. Область располагает квалифицированными учеными, практиками, работающими в высших и средних учебных заведениях, творческих, музейных, образовательных, культурно-просветительных учреждениях, занимающихся изучением, сбором, исполнением фольклора. Это позволяет без привлечения сил со стороны провести необходимую работу по подготовке материалов. Таким образом сложился авторский коллектив, включающий около 30 человек — наиболее известных и квалифицированных ученых, методистов, преподавателей, библиографов, режиссеров народных праздников, музыкантов-исполнителей, музыковедов, историков, филологов, искусствоведов, этнографов, музееведов, библиографов. Этими силами была проведена вся многогранная и кропотливая работа над текстами; ряд специалистов выезжал в командировки в Санкт-Петер-

² Как автор концепции я учитывал непростую ситуацию с доступом к орловским материалам, имеющимся как в ряде архивов московских учреждений, так и у отдельных собирателей. К сожалению, приходится констатировать, что в последние годы усилилась тенденция к монополизации собранных, как правило, за государственный счет фольклорных материалов. В свое время И. Е. Ивлева писала, справедливо негодуя: «Глубоко безнравственными я считаю такие действия фольклористов, когда записанные у пожилых людей образцы старинной музыкальной культуры рассматриваются как собственное богатство, таятся и прячутся от исполнителей. Бывают случаи, когда руководители фольклорных коллективов чуть ли не авторским правом ограничивают “свой” фольклорный материал» (И. Е. Ивлева Сценические особенности исполнения музыкального фольклора // Народная культура Русского Севера. Архангельск, 1998. С. 560).

бург, Москву для работы в архивах (в частности, в архив П. В. Киреевского и П. И. Якушкина). Одновременно продолжалась экспедиционная работа преподавателей и студентов Орловского института культуры и искусств, Орловского областного центра народного творчества, музейных работников в районах области.

В-третьих, следует отметить, что в задачи проекта изначально не входило представление полной картины традиционной культуры Орловщины. В качестве приоритета была выбрана презентация того массива аутентичных фольклорных текстов, которые накоплены в областных учреждениях и отражают современное состояние традиции³.

Вместе с тем, опираясь на комплексный социально-пространственный подход к анализу современного фольклорного процесса, в соответствии с которым и строилась работа авторского коллектива, мы «расширили» круг материалов за счет описания и представления вторичных, сценических форм фольклора (фольклоризма), а также попытались наметить все более зримо проявляющийся блок фольклорных текстов, создаваемых на основе не аутентичных, а вторичных образцов, то есть «копий с копий» или фейклоризма⁴.

Первый блок текстов свода, безусловно, и по объему и по значению доминирующий, — это аутентичные (исходные) тексты разных жанров: песенного, устно-поэтического, танцевального и изобразительного фольклора, объединенные общепринятыми классификационными принципами.

³ Об истории собрания, принципах отбора и включения текстов в данное издание рассказывается в специальных вступительных статьях составителей разделов.

⁴ Фейклоризмом в зарубежной литературе чаще всего именуют авторские произведения (словесные, музыкальные, танцевальные и т. д.), созданные по образцу и подобию сценических, с учетом их стилистических, образно-смысловых особенностей, но еще далее отстоящие от подлинно фольклорных произведений.

Перед нами стояла задача не только дать более или менее полный набор текстов традиционного фольклора, сохранившегося на рубеже XIX—XX вв., но и представить общую картину фольклорного процесса, не исключая из него явления вторичного, продуцирующего характера, имитирующие аутентичные артефакты. Мы отдаем себе отчет в том, что представление всех указанных сторон фольклорного процесса неравномерно.

В тоже время, в свод не были включены сведения об этнокультурных «вкраплениях» — традициях других народов, проживающих на территории области, об ареалах их распространения, о деятельности национальных структур (школ, коллективов) по сохранению своего фольклора. Орловская область идентифицируется в данном контексте как русская область, русская территория, обладающая своими этнокультурными историко-этнографическими особенностями, в том числе обусловленными и названным фактором — наличием инородцев, мигрантов, проживающих в области как дисперсно, так и компактно, их включенностью в русскую культуру и т. п.

Представление в издании современного фольклора может стать наиболее дискуссионным. Фольклоризм и фейклоризм оказывают весьма серьезное влияние на аутентичный фольклор, на бытовое творчество, на его содержание и характер функционирования. Например, сегодня трудно представить игру сельских гармонистов Орловщины без исполнения обработок и произведений Е. Дербенко — народного артиста РСФСР, профессионального композитора и исполнителя, Г. Калмыкова — заслуженного артиста РСФСР, а репертуар большинства фольклорных ансамблей — без популярных авторских песен, сочиненных под народные, и т. п.

Ограничение свода публикацией только аутентичных текстов с их комментариями позволило бы нам создать своеобразную антологию-памятник, которых в последние годы появляет-

ся немало, но, как уже было сказано, это сильно сузило бы представление о современном фольклорном процессе, оставило бы без внимания активную и разноплановую деятельность по включению традиционных текстов в современную культурно-массовую, художественно-исполнительскую и образовательную практику. Именно эта практика, при всей неоднозначности ее восприятия и объективно существующих противоречиях, в последние десятилетия составляет важную часть фольклорного процесса, обращена к массовому зрителю, слушателю, исполнителю, именно она осознается обществом как фольклорная.

На Орловской земле, как и во всей России, фольклор в конце XX — начале XXI в. начинает все более активно вторгаться в духовное пространство всех, в том числе вновь формирующихся, социальных групп (системных администраторов, менеджеров, предпринимателей и т. п.) через газеты, книги, радио, телевидение; занимает все более расширяющуюся нишу в профессиональном и любительском художественном творчестве, на рынке массмедиа. При этом резко возрастает художественный уровень использования в современной культурной практике вторичных форм фольклора, обретающих нередко самодовлеющее значение; а многие прежние «деревенские» фольклорные явления перемещаются в городскую жизнь (например, празднование Рождества, Масленицы, Троицы, Ивана Купалы, Спасов и т. д.). Нельзя не отметить, что село, деревня, «потерявшие» на некоторое время (60 — 70-е гг. XX в.) интерес к своим традициям (влияние городского образа жизни, перемещение значительной части сельского населения, в первую очередь крестьянской молодежи, в город, бурное развитие телевидения и т. п.), вновь «заинтересовались» своими этнокультурными истоками. Проявляется это в создании деревенских краеведческих музеев и музеев народного быта, центров и кружков фольклора и

ремесел, детских фольклорных студий и других объединений и учреждений.

Фольклорный процесс в области предстает системным явлением со своей организационной структурой, целями и задачами.

Таким образом, комплекс фольклорных текстов, представленных различными жанрами, дополненный описанием разнообразных этнокультурных проектов, осуществляемых в Орловской области, этнокультурной практики (художественной, концертной, образовательной), фестивальными зарисовками, дают исходный материал для моделирования некой современной культурной универсалии, объясняющей сохранность фольклорной традиции (вопреки всем социальным факторам, якобы ведущим к ее утрате) и саму тягу современного человека к своей национальной исторической культуре.

Материалы о фольклорных организациях, творческих коллективах, исполнителях, которые будут опубликованы в рамках проекта, расширят представление о возможностях и путях включения текстов традиционной культуры в современный социокультурный контекст. В известной степени это противоречит распространенному мнению о гибели фольклора как вида культуры.

Развернутая художественная и социальная характеристика осуществленных в области этнокультурных проектов имеет большое значение для научного осмысления сложного комплекса современных фольклорных явлений. На этот аспект нужно обратить особое внимание, поскольку региональная фольклористика, интенсивно набирая в последние годы динамику развития, тем не менее, на наш взгляд, не всегда уделяет должное внимание указанному вопросу, следуя в фарватере традиционных научных российских фольклористических школ. Это одна из очевидных проблем.

Однако, исходя из задач, которые стояли перед инициаторами и составителями данного издания, будущее российской фольклористики мы связы-

ваем с активной работой региональных специалистов в проектах, подобных «Традиционной культуре Орловщины». Как показал опыт истории российской фольклористики, однозначное замыкание научных программ (в том числе в подготовке различных сводов) на столичных специалистов приводит не только к утрате перспектив у региональных исследователей, но и к тому, что собранные материалы оказываются сосредоточенными в архивах и фондах столичных научных учреждений и учебных заведений и, как следствие, мало востребованными⁵.

Наш проект — одна из первых попыток объединить, скоординировать, сконцентрировать фактически все имеющиеся в Орловской области научные силы для подготовки к публикации фольклорных текстов и аналитических материалов.

Сегодня весьма сложно спрогнозировать модель этнокультурного развития как в отношении Орловской области, так и других российских регионов. К концу XX в. резко возросший интерес к проблеме национальной идентичности открыл новый этап в работе по сохранению, возрождению и изучению этнокультуры регионов⁶. Основными инициаторами этой деятельности стали учреждения культуры области, учебные заведения культуры и искусства. Они же создали предпосылки и условия для развертывания этнокультурного процесса, стали управлять им. Источником и движущей силой активизации фольклоризма и фейклоризма (псевдофольклорного процесса) стали организованные сообщества (ансамбли, школы, студии и т. п.).

⁵ По этой причине специалисты из Орловского государственного университета несколько раз выезжали в командировки в Санкт-Петербург и Москву для ознакомления с орловскими материалами, хранящимися в организациях и учреждениях этих городов, но отсутствующими в фондах орловских учреждений.

⁶ См.: Традиционная культура Орловщины. Т. 1. Библиографический указатель. М., 2010.

«Фольклоризм» в качестве «фольклора» стал активно и в разных формах поддерживаться властными структурами в соответствии с «официальным» пониманием «фольклорности». В этот процесс были включены учреждения культуры и образования, учителя, писатели, политики, деятели искусства. На Орловщине, как впрочем, в целом по России, развернулся социально организованный процесс по возрождению фольклора по аналогии с прежним советским массовым художественным творчеством или художественной самодеятельностью.

Фольклорное пространство превращается в поле взаимодействия множества культурных явлений, рожденных фантазией деревенских жителей и горожан, школьников, студентов, иммигрантов, фанатов, беженцев и сезонных рабочих, в некий плавильный тигль или котел, в котором формируются некие универсальные мультисубкультурные этнообразцы⁷. Развитие новых информационных технологий, Интернет превращают этническую культуру в виртуальную реальность, ценность которой будет определяться богатством сохраненных в электронном виде образцов и текстов, доступных любому жителю планеты, проявившему интерес к экзотике и архаике, в том числе и орловского региона.

В случае реализации подобного варианта развития этнические ценности, воплощенные в комплексе памятников материального и нематериального наследия региона, могут стать лишь свидетельствами былой мощи национальной традиции. Глобализационные процессы, усиление миграции из государств Средней Азии в целом по стране, дальнейший распад орловской деревни, одностороннее отражение в СМИ этнокультурных явлений (в основном вторичного характера) ведут к сужению пространства аутентичной тра-

⁷ Анекдот, частушка, например, живут в наши дни и в городе и в деревне, во всех субкультурах, представлены в быту, на эстраде, в рекламе, в речах политиков и т. д.

диционной культуры, оно может стать еще более мозаичным, фрагментированным, полицентричным явлением. Дальнейшая экзотизация и архаизация станут в результате воплощения этого сценария теми приметам, которые будут «оживлять» в сознании жителей области образ прошлой Орловщины, с могучей и разносторонне духовной жизнью ее деревни и небольших городов и поселков.

Известный специалист по поп-культуре и постмодернизму А. Дугин, касаясь их влияния на традиционную культуру, на общественное сознание россиян, отмечает, что идея модерна, ставшая мощным фактором отрицания традиционных ценностей, ведет к формированию антитрадиционного общества. Постмодерн не видит в традиции никакого значения, забавляясь ею наряду со всем остальным. Традиция отныне не враг, но элемент зрелища...⁸ С этим весьма неожиданным выводом трудно не согласиться. Тем более, если не замечать самодовлеющего значения развлекательно-зрелищных элементов, что уже стали реальностью в фольклоре, в фольклорном процессе, в фольклорном творчестве.

В то же время, взгляд на традиционную культуру, на фольклор как неизменяющийся феномен входит в противоречие с реальностью его современной жизни, что мы и видим на примере «фольклорного бытия» на Орловщине. Ограничение «аутентичностью» приводит к описанию текстов фольклора либо как помещенных вне изменяющегося контекста времени, либо вне контекста культурного процесса. Попытки рассматривать традиционную культуру лишь в одном ее виде — аутентичном, а не как динамическую многослойную систему, оборачиваются восприятием и оценкой этой культуры не только вне социального контекста, но вне и модернизационного процесса.

При этом нужно понимать и оценивать не только роль аутентичной

культуры в современном этнопроцессе, но и роль производного от нее фольклоризма. Последний заполнил собой значительную часть фольклорного пространства. Между тем, специалисты допускают зачастую неоправданно жесткое отношение к этому явлению, приуменьшают его значение в формировании сознания современного человека, обозначая лишь негативные последствия его влияния, не учитывают потенциал этой культуры в решении проблем национальной самоидентификации и т. п. Этому есть свои объективные предпосылки и объяснения. В частности, это можно рассматривать как своеобразный «реванш» за длительное небрежение традициями, их изживание из повседневности, запрет, охаивание, нередко прямое запрещение и преследование лиц, которые позволили себе рассказать анекдот, спеть частушку на злобу дня. Вырвавшись из идеологических ограничений, из плена художественно-монополитической доктрины, традиционная культура, в том числе и на Орловщине, оказалась не готовой заполнить по праву принадлежащее ей пространство. При этом она нередко выводилась и выводится за рамки живой культуры как явление, не отвечающее требованиям современности. Утратив естественные механизмы воспроизводства своих текстов, не сохранив естественных очагов своего бытования (прежде всего в пространстве семьи, общины, деревенской повседневной жизни), традиционная культура в России с начала 90-х годов XX в. «училась заново жить», включаться в изменившийся мир, новое цивилизационное устройство, находить пути своего внедрения в духовный процесс, в том числе в городе. Но признание за традиционной культурной права на существование связано было не с поддержкой ее естественных очагов и включением ее в культурный и духовный контекст повседневности, а с ее искусственно воспроизводимыми вторичными, сценическими и авторскими, формами, то есть с фольклоризмом. За семь десяти-

8 Дугин А. Поп-культура и знаки времени. СПб., 2005. С. 446, 453 и др.

летий в жизни советской России был произведен уникальный художественно-творческий эксперимент по приобщению всего народа к «высокому» искусству, имея в виду прежде всего «высокоидейное» (в трактовке советской идеологии) профессиональное искусство — театральное, музыкальное, изобразительное, хореографическое и т. д., и отторжению от фольклора. Была сформирована соответствующая государственная система этого приобщения и отторжения, а в плане теоретическом — обоснован утилитарный подход к культурному наследию, согласно которому развернулось массовое создание промышленных образцов «традиционных» изделий народных ремесел, сценических костюмов, обуви, головных уборов, появились массовые сборники сценарных разработок на основе устного и музыкального фольклора⁹. В сегодняшней ситуации еще более сложно разграничить реальное бытование повседневного фольклора и его искусственно созданные сценические и промышленные образцы. Плоды творчества сельских и городских мастеров, певцов, музыкантов восполнили в значительной мере нишу массового искусства, массового потребительского рынка. При этом наиболее талантливые мастера и исполнители своим творчеством удовлетворяют специфические запросы публики, формируя потребительские свойства своего искусства.

Современная действительность рождает острые противоречия в развитии фольклорной традиции, делая ее продуктом совместных усилий народных исполнителей, творчества фольклорных коллективов, мастеров и отчасти работников научных и научно-методических и культурно-массовых учреждений, которые так или иначе, в большей или меньшей степени включаются в фольклорный процесс. Однако вся эта

разнообразная деятельность строится в какой-то мере по инициативному принципу, и, естественно, отличается фрагментарностью, эпизодичностью, проведением разовых мероприятий по праздничным дням (дням города, поселка и т. п.). При этом нельзя не обратить внимание на то, что среди орловских специалистов нет единого мнения о том, что именно следует относить к культурному наследию, которое нужно сохранять, поддерживать и возрождать; не существует и его ясных пространственно-временных характеристик (это культура дореволюционной России или культура XX в., городская или деревенская, молодежная или старшего поколения). Среди специалистов области ведутся острые дискуссии по вопросу о технологии и методике сохранения фольклора, способах приобщения к нему. Споры о «первичности» и «вторичности» культурных форм присутствуют не только среди орловских ученых, руководителей творческих коллективов, народных мастеров, музыкантов-исполнителей, воспроизводящих этнообразцы, но и в среде российского фольклорного сообщества в целом.

Как автор проекта я считаю, что он успешно реализуется. По его завершению в научный оборот российской фольклористики будут введены новые региональные материалы, а также будет представлена многогранная деятельность учреждений культуры и образования Орловщины по приобщению различных слоев населения к традиционным духовным ценностям. Эти два важнейших направления олицетворяют современный фольклорный процесс, предоставляя возможность каждому соприкоснуться с выдающимися достижениями русской национальной культуры Орловской земли.

При этом изложенная концепция проекта может стать в известном смысле матрицей для осуществления аналогичных начинаний в других регионах России, со стороны которых уже проявлен интерес.

⁹ См. о диалектике соотношения массового, элитарного и народного искусства в советском обществе: Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006. С. 70—126.